

Раздел 1. ДУХОВНОСТЬ И ЦЕННОСТИ

С. З. ГОНЧАРОВ

КРЕАТИВНОСТЬ СОВЕРШЕНСТВА И ЛЮБВИ В ОБРЕТЕНИИ ДУХОВНОСТИ

Цель данной статьи – дать целостное изложение вопроса о духовности в качестве теоретического материала для ведения воспитания. Без возвышения психики индивида от душевного уровня до духовного невозможно воспитание личности, понимающей и переживающей универсалии культуры, патриотизм, нравственность, правосознание, искусство, религию, личную сопричастность общему делу и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед ныне живущими. Ибо патриотизм, правосознание, государственность, вся культура в ее многообразных национальных цветениях уходят корнями в «горение сердца», в дух личности и народа.

Размышление о духе есть высший уровень философской рефлексии, на котором не уместны упрощенные толкования духа как реальности внешней и *бессубъектной*, будь то «тонкая лучистая космическая энергия» или «биоциполе». Подобные паранаучные представления есть попытка решать сложные вопросы крайне упрощенно. Дух – свободная, самоустремленная, самодельная и знающая себя надприродная реальность. Ему присущи субъектность и «для-себя-бытие». Поэтому дух познается только духом. В его познании бессильны приборы. Своеобразие духа не выразимо только объектным языком естествознания, только логикой. Ибо дух содержит многомерную модальность – логическую, этическую, эстетическую и др., что обязывает к соответствующей лексике, к метафорам, сравнениям. Дух, далее, представлен не только в научной, нравственной, эстетической, правовой формах, но и в религии. В понимании духа разумней опираться на классическую традицию, идущую от Платона, Аристотеля, Августина Аврелия к Гегелю, а от Гегеля – к таким мыслителям, как Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк. Наследие И. А. Ильина (28 томов) замечательно тем, что он в своем творчестве ясно и основательно выразил тенденцию классической философии в понимании духа и его проявлений (духовности) с позиций объективно-предметной и конкретной аксиологии, которую он развил из единого принципа – *совершенства*. Совершенство есть генетический исток всего его учения. Из совершенства он выводит иерархию ценностей, аксиомы религиозного опыта, антропологию, этику, эстетику, правосознание, культурологию, политологию; им он оценивал религию и философские учения, правовые системы и художественные произведения, государственные устройства и партии. У А. С. Пушкина и И. А. Ильина был сходный духовный акт – *развитое чувство совершенства и целостность* в миропереживании и понимании. И. А. Ильин – это Пушкин в философии. В данной статье рассматриваются гносеологические, психологические, аксиологические, социальные и валеологические аспекты духа.

Понятие души некоторые психологи считают некорректным. Поэтому необходимы пояснения. Сознание есть та сфера психики, которая организована социально важными значениями, оно есть система таких значений. Сознание, отмечал Гегель, развивается от стадии чувственного сознания к самосознанию и к духу. К душевной стадии психики относятся как вся сфера подсознания, так и чувственное сознание. Самосознание есть сфера перехода от душевной стадии психики к духовной.

Особенности душевной стадии

Они заключаются в том, что человек живет по преимуществу *внешним, чувственным* опытом, непосредственно переживает его и сливается с ним. Явления этого опыта изменчивы и единичны («это», «здесь» и «теперь»). Поэтому сознание тоже *неустойчиво* и затрудняется фиксировать значения в их *всеобщей форме*, сосредоточиваться на них, свободно оперировать и направлять ими свой внешний и внутренний опыт. Оно находится в плену внешнего сенсорного поля и эмоциональных переживаний, *индивидуальных предпочтений*; оно не выходит за пределы *относительного* (что хорошо для данного лица или данной группы людей) к *абсолютному* (что хорошо само по себе, безусловно). Душе еще не присуще «для-себя-бытие», т.е. *ценностно-рационально-волевая самость* как тот автономный центр апперцепции («я»), из которого исходят законодательные функции разума и повеления разумной воли на основе *всеобщих* значений. Чувства и эмоции размывают апперцепцию, автономию разума и воли («стены индивидуального Кремля»), чем объясняется шаткость и несамостоятельность души. Человек на душевной стадии избирает ценности, как правило, *не потому, что они объективно хороши по своему качеству, а потому, что они хороши относительно него или его окружения или потому, что их избирают другие*. Субъективное чувство – здесь критерий (на вкус и цвет товарищей нет). Душе присущи ценности *частные и относительные, ценностный релятивизм и субъективизм*. Личность на этой стадии еще не обладает *духовной автономией*. Относительные ценности молодые люди часто возводят в абсолютные и творят кумиры, которые быстро развенчиваются жизнью потому, что *качество таких ценностей не соответствует их статусу абсолютных*. В юных душах возникают разочарование и уныние, нигилизм и цинизм, разнуздывается инстинкт вне идеала. Так молодые люди вступают на путаную тропу, ведущую к душевному нездоровью, социальному риску, девиантному поведению и преступному деянию. Глубинной причиной душевных болезней несоматического характера является в юном возрасте размытость ценностного самосознания, зрелища апперцепции и ее центра («я»). Обучение технике жизни (методам и технологиям) не выводит само по себе из мира относительных ценностей.

Когда душа преобразуется в дух?

Душа преобразуется в дух тогда, когда человек начинает жить по существу не только *внешним, чувственным* опытом, но и *внутренним, сверхчувственным, смысловым*; погружаясь в сферу чистых значений (идеальных предметов), он освобождается от диктата внешних чувств и эмоций, обретает самосознание, которое устремлено на само себя и становится

рефлексивной и самостоятельной; вначале робко, а затем смелее человек начинает оперировать значениями в их безобразном виде; усиливаются апперцепция, автономия разума и воли. Опирируя чистыми значениями, душа выходит за рамки «здесь» и «теперь», за пределы пространственно-временного потока событий, ибо значения сами по себе не являются пространственными или временными; делятся не значения (например, идея окружности или долга), а *психические процессы, посредством которых мыслятся и переживаются значения*. Выходя за пределы «здесь» и «теперь», личность научается самостоятельно оперировать всеобщими значениями и обретает *надьиндивидуальные ценности – нравственные и эстетические, религиозные и правовые*. Переживая такие значения и ценности, человек модифицирует свою чувственность: возникает новая психическая модальность – *мыслящие духовные чувства*. Сосредоточением таких чувств является *сердце*, как духовный орган. *На духовной стадии человек избирает те или иные ценности потому, что они хороши не только относительно него, но и сами по себе: являются истинными, добрыми и прекрасными и поэтому – совершенными, достойными всеобщего признания. Дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им*. Совершенство есть такое содержание, которое *гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное*. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности» [5, с. 56]. В работах классиков русской философии (В. С. Соловьева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского и др.) совершенство понимается как атрибут Бога, явленный в Его творениях как меры в превосходной степени.

Как однородный солнечный луч преломляется в многообразие цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств – любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и искусства, справедливости и солидарности, открыленной веры как *иммунной системы души от деструктивной социальности. Многообразные проявления воли к совершенству и есть духовность*. Совершенное есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Меры вещей существуют в сфере духа идеально, без материи, они свободны от телесных деформаций и представлены в превосходном роде. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны*.

Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – *любовью*. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, отмечал И. А. Ильин, «увидеть лучшее, избрать его и жить им». Любовь направляет мышление к *объективной истине*, волю к *добру*, созерцание к *красоте*, а веру к *абсолютному, священному и божественному*.

Итак, в *психологическом плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил: любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и*

созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Целый дух начинает прозревать за «корой явлений» тот свет совершенства, который по-своему выражают небесная лазурь и лепестки цветка, грациозное движение животного и трели птиц, духовное парение художника в музыке и поэзии, гармония математических соотношений и логика научных понятий, благородный поступок и справедливое право. Целостный духовный акт дарует личности полноту миропереживания и понимания, свободную от односторонних крайностей.

В качественном, аксиологическом плане дух есть любовь к совершенному. Но дух имеет и количественную характеристику, которая выражается в масштабности, надличностном и всеобщем содержании его значений: дух восходит от субъективной стадии (стремление к совершенству) к объективной, в рамках которой человек реально живет всеобщим содержанием науки и нравственности, искусства и религии, права и государства. Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими и «я» – «мы», за национально-культурным многообразием – единство человеческого духа, за относительным – абсолютное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и велевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Итак, духу присущи целостность, совершенство и всеобщность. Возвышение сознания до всеобщих значений – необходимая предпосылка патриотизма и национального самосознания, нравственности и правосознания, науки, искусства, богообщения и государственного понимания общего дела. Вне духовного уровня индивид сомнителен как гражданин и субъект профессиональной деятельности.

Совершенство – источник духа, религии, культуры и воспитания

Совершенное содержание жаждут по-своему ученые и художники, философы и праведники, миллиарды духовно зрячих людей. Обрести совершенное – этому посвящены самые важные Евангельские Заветы: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Совершенное вдохновляло Платона и Плотина, Пушкина и Тютчева, И. А. Ильина и Н. О. Лосского. Свет совершенства струится из творений классиков культуры и благородных поступков; он благодатно питал русскую классическую музыку и живопись, литературу и поэзию, философию и православие. Совершенство – вот тот *инвариант*, который присущ различным национальным культурам. Культура в высшем своем выражении совершенна (а значит и общечеловечна) по *содержанию* и национальна по своей *форме*. Можно затрудняться в понимании национальных форм культуры тех или иных народов, но пульсирование в таких формах всеобщего человеческого

содержания невозможно не принимать сердцем. Известный тезис о том, что советская культура по содержанию социалистическая, а по форме национальная, неудобен в том отношении, что сужает грани диалога культур и порождает самодовольство, обрезая преемственность в самой отечественной культуре России.

Религия культивирует дух совершенства, исходя из его *абсолютного* Первоисточка – совершенства Божия. В культуре дух совершенства воплощается в зримые образцы – эталоны человеческой субъективности. Культура начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму» [6, с. 291]. Воспитание развивает умения организовывать опыт *объективно лучшим содержанием*. И. А. Ильин убедительно обосновывает основополагающее значение *совершенства* для различных религий. Тот, кто ищет религиозного опыта, «вступает в ту сферу, где обигает и обретается само Совершенство. ... *Религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания*» [5, с. 56]. Любовь к совершенству, подчеркивал он, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, «но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством» [5, с. 97]. Христианство выговорило эту тайну религиозного опыта и укоренило души людей не в силу и мощь, не во внешнюю красоту, не в магический государственный обряд и не в успех земных дел, а в объективно сущее Совершенство, которое обретается любовью. Религиозный опыт при всем его многообразии заключается в воле к совершенству, в *благоволении* перед ним и в *верности* ему. Любовь к совершенству Божию, отмечал И. А. Ильин, есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» [5, с. 66]. Укореняя свою душу в идеал объективно лучший и объективно сущий, человек соединяет инстинкт с идеалом, гасит гордыню, обретает духовное самостояние, самоопределение и самоуправление на основе абсолютных ценностей, духовное достоинство, чувство качества и верного ранга, призвание и смысл жизни. Религия, с культурологической точки зрения, не «опиум народа», а *иммунная система народного духа от деструктивной социальности*. Воинствующее богоборчество гасит волю к совершенству, а значит – духовность, чувство качества и верного ранга ценностей и с неизбежностью резко понижает уровень ценностных притязаний людей; начинается подмена высшего низшим, т.е. *пошлостью*: внутреннее вытесняется внешним, духовное – материальным, идеалотворчество в культуре – технической рациональностью, искусство – нервирующим и зрелищам, а художник – «шоуменом». Разнуздывается инстинкт вне идеала, и культура вырождается в *технику жизни*, в техническую цивилизацию, которая за последние двести лет завела человечество в тупик [22]. Последствия духовного иммунодефицита проявляются в том, что

«население целенаправленно организуется на сатанинских началах лжи, подлога обмана, поклонения грубой силе. Внедряются как начала «нормальной» жизни жадность, эгоизм, амбиции, разврат, наркомания, любовь к удовольствиям и развлечениям любой ценой. ... Сегодня это не отдельные эпизоды злых, порочных, разрушительных действий, а ускоренное строительство общемировой системы зла» [19]. Религия – это гениальное духовное *самокодирование* народа такими корневыми ценностями, без которых люди теряют человеческий облик, а человеческая общность распадается в стихии разгула инстинктов и природных вожделений, подлого эгоизма и предательства. Богоборчество И. А. Ильин квалифицировал как «дело самое глупейшее из всех, затеявшихся человечеством». Цветение русской культуры изошло из корней православия потому, что оно окормляет души светом совершенства Божия и даром любящего сердца; т.е. объективно лучшим содержанием и субъективно верным актом приятия этого содержания. Русская культура цвела тогда, когда народ искал «не силы, а совершенства, не власти, а любви, не пользы, а Бога». А когда «дух ищет совершенства», тогда «начинается культурное цветение религиозно захваченного народа» [5, с. 59].

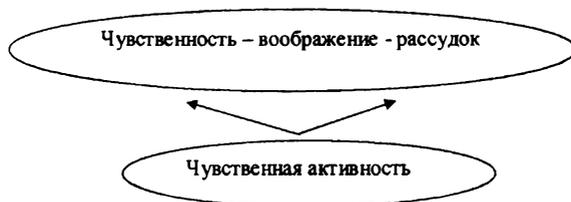
Совершенная *реальность* предстает в субъективной форме как дух и объективируется в мир культуры. Культура – только *положительная* ценность. Отождествлять культуру со всей надприродной реальностью (рукотворной второй природой, социальностью, социальными технологиями, с формами хранения и передачи социального опыта и т.п.), значит умножать термины без надобности и запугивать существо дела. Такое отождествление ничего не дает ни для теории культуры, ни для воспитания, а по существу оно ведет к толкованию культуры как *ценностно-нейтральной реальности*, открытой антикультуре. Духу присуща *ценностная* природа. Ценности же избираются чувствами. Сосредоточием чувств является сердце. Попытаемся понять сердце не только интуитивно, но и дискурсивно.

Сердце в структуре психики и его аксиологический синтез

Психика, как она дана от рождения, есть природный материал. Это – *сенсо-моторика, т.е. чувственная активность*. Все высшие психические функции и уровни (душа и дух) вырастают из этой материи, являются ее развитыми модификациями. Чувственная активность включает в себя противоположные моменты – *сенсорное и моторное, чувственное и деятельное*. Эти два параметра *нераздельны, но и неслиянны*. Они предполагают друг друга и в тоже время качественно отличны друг от друга. Ощущение, как и восприятие, невозможно без движения чувственного органа. В свою очередь моторное (активность) невозможно без сенсорного; ибо чувственность побуждает к действию.

В процессе развития чувственная активность поляризуется: сенсорное представлено на одном полюсе (внешнепредметная чувственность), моторное (активность, деятельность) на другом (рассудок). Посредством чувственности предметы нам даются, посредством рассудка они мыслятся (Кант). Мыслить – значит связывать восприятия в понятия. Чувственности предмет дан как нечто *единичное* (Е) «это» «здесь» и «теперь»; рассудку же – как *всеобщий* предмет

(В): человек вообще, государство вообще и т.п.. Однако нераздельность чувственной активности сохраняется: чувственность и рассудок соединены *воображением, которое соединяет противоположности (Е+В)*. Поэтому мы в единичном схватываем всеобщее, а всеобщее индивидуализируем, единичиваем. *Бессознательная сфера инстинктов, чувственное восприятия, воображение и рассудок образуют первый уровень психики человека.* Изобразим схематично:

Чувственность человека развивается и различается в себе на *внешние чувства*, возникающие от *физического воздействия*, и на *внутренние* (духовные) чувства, возникающие от *переживания значений* (радость, уважение, презрение и др.). И вот *сердце есть сосредоточие таких духовных чувств*, это – *понимающие чувства*, «чувства - теоретики». Мышление в свою очередь развивается от рассудочной стадии до *разумной*, целеполагающей. Однако сердце и разум не потусторонни друг другу. Нераздельность чувственной активности дает о себе знать и на *втором, высшем* этаже человеческой психики: *как чувственность и рассудок соединены воображением и не существуют как две параллельные прямые, точно так же «сердце» соединено с разумом духовным, сердечным созерцанием.* Это созерцание – *высшая форма постижения реальности*: в нем понимающие чувства и целеполагание разума синтезируются в *новое, духовное состояние*, в котором исчезают различия между сердцем и разумом; и человеку открываются в акте *духовной очевидности* новые грани бытия, недоступные «одноэтажной» психике.

Рассудок осуществляет *логический синтез*. Синтез *различных* психических модальностей (цвета, звука, запаха и др.) возможен только потому, что рассудок есть, *однородная деятельная сфера*; благодаря однородности он сообщает *единство* всему логическому сознанию. Сердце же творит *аксиологический синтез*, который по значению более важен, чем синтез логический. Ценности направляют самоопределение человека, выбор им жизненного пути; в них заложена *генетика социального поведения*. Ценности избираются не мышлением, а чувствами. Мышление обосновывает ценности. Духовное созерцание дарует очевидность. Чувственная достоверность – вестник внешнего бытия реальности. *Духовная очевидность* порождает из постижения *внутренней сущности* предмета, которая *порождается* активностью «я» как целостность смыслов в идеальном поле созерцания. Важнейшим является идеальное сотворение самого предметного содержания в

его *чистой необходимости*. Поэтому очевидность есть «переживание самой истины» (Э. Гуссерль). Два уровня психики представим схематично:

В философии достаточно конкретно выяснена роль апперцепции для всего процесса мышления. Заслуга в этом принадлежит И. Канту. Апперцепция – нечувственная сфера, *чистое единство самосознания* («я») и исполняют функцию синтеза чувственных данных. Всеобщими схемами такого синтеза являются формы мышления (логические категории), система которых образует *рассудок*. О *синтезе сердца* приходится рассуждать впервые.

О первенстве сердца как духовного органа писали Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев и др. [2], не говоря уже о святоотеческом Предании. «Сам ты, – писал Г. С. Сковорода, – есть твое сердце», «истинный человек есть сердце в человеке» [18, с. 142]. «Сердце есть, – отмечал П. Д. Юркевич, – сосредоточие душевной и духовной жизни человека, скрижаль, на которой написан естественный нравственный закон. Мир, как система явлений жизненных, полных красоты и знаменательности, существует и открывается первее всего для глубоко сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» [23, с. 69, 72, 82-83]. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности» [8, с. 420].

Мышление синтезирует явления со стороны *формы, отношений, структуры*; «сердце» синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. Аксиологический синтез проявляется в *нравственной, эстетической и религиозной* формах. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроем души скрывается их глубинная основа – однородное чувство совершенства. Это чувство есть корень религии, нравственности и эстетического отношения. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она

есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*» [5, с. 56]. Если совершенство раскрывается верованием как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства. Подобно тому как апперцепция есть основа единства логического сознания, так и *однородное чувство совершенства есть основа аксиологического синтеза и единства всего ценностного сознания. В воститании, ценностного сознания синтез сердца является базисным. Особенностью духовного акта русской культуры является первенство аксиологического синтеза над логическим, сердца – над рассудком.* «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [7, с.329].

Односторонность сциентизма (абсолютизации науки) состоит в отвлечении от аксиологического синтеза «сердца», что характерно для современной технической цивилизации.

Сердце как духовный орган человека

Сердце – сосредоточие понимающих чувств! В этом – его своеобразии и тайна. Самым жизнетворческим чувством является любовь. Коснуться тайны сердца, значит обратиться к любви. Где она начинается, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек сосредоточивается на одном – любимом содержании: оно становится центром души, главнейшим ее предметом, а сопричастность ему есть радость и счастье (со-частье, сопричастие). Любовь *«вживается в любимый предмет вплоть до художественного отождествления с ним»*, повышает силу восприятия настолько, что «проницательность» по отношению к любимому предмету доходит до *«ясновидения»* [9, с. 50-51]. Иногда эта сила переносится на других людей и даже на весь мир, как у гениальных художников. Ильин различает «любовь инстинкта» (душевную любовь) и «духовную любовь». Они могут соединяться в одно целое. Формула первой такова: «этот предмет мне нравится, значит ему должно быть присуще всякое совершенство». Нередко за такой идеализацией следует разочарование. Духовная любовь тяготеет к *объективно лучшему* – к *«качеству, достоинству, совершенству»*; к *«божественному совершенству во всех явлениях»*; она – *«вкус к совершенству»* [9, с. 56-57]. Логика Ильина такова: подобное познается подобным, совершенное содержание – совершенным чувством, любовью. Любовь – это «ворота», через которые в нашу душу входит совершенное содержание, составляющее *пространство духа*. Этим содержанием любовь направляет мышление к объективной *истине*, волю к сотворению *добра*, созерцание к обретению *красоты* и художественности в целом, а веру к *божественному*. Вот почему духовная любовь – первый и глубочайший источник духовного опыта. Понимание сердцем целостное, оно прозревает за реальностью (природной, экономической, социальной, политической и др.) ее нравственно-эстетически-религиозную значимость, соединяет в единый смысл многообразные значения событий и дает им *интегральную, креативно-антропологическую оценку*, недоступную для рассудка. Сердцу ведомо чувство родного. Родное

объективируется в *благое содержание* – как любимый человек, семья соборное «мы», отеческое наследие, родной язык и родная культура, Родина и др. Это – чувство Дома, а не чужбины; это – «животворящая святыня», основа «самостоянья человека», «залог величия его»; без родного «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без божества» (А. С. Пушкин). Из чувства родного вырастают *преемственность поколений, национально-культурная идентичность, духовное единение* народа. Кризис технической цивилизации заключается в угасании любви и воли к совершенству, чувства родного и Родины, в формальной образованности, ориентированной на технику жизни, в верховенстве рационально-волевого начала над духовно-ценностным. Культуро-творящий акт современности исходит из первого уровня психики и создает бессердечную культуру, тяготеющую к пошлости без святых.

Креативность сердца и кризис бессердечной культуры

Такая культура есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство *внешней* жизни. Поэтому в ней главными являются техника, бизнес с его товарно-денежной связью, все регламентирующее право и наука, разрабатывающая технологии.

Без сердца мышление остается безразличным, релятивистским, карьеристским, льстивым и продажным; ему все равно, за что браться, что доказывать и пропагандировать; лишенная интуиции, вчувствования в предмет, оно сугубо аналитично, все разлагает и подкапывает, оперирует пустыми конструкциями. «Отсюда – формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абсолютно мертвая филология, пустая и безжизненная философия» [11, с.396]. Отсюда и бессердечная диалектика для которой «нет ничего святого».

Бессердечная воля, лишенная любви, становится безжалостной и жадной до успеха; она стремится к власти, к обладанию, для нее все средства хороши; она творит тоталитарные государства, антисоциальный капитализм, империалистические войны и является достоянием всех карьеристов и тиранов. Воля не имеет верного *критерия выбора*. Она есть сила концентрации, лишенная *очевидности*. Самые отвратительные и преступные организации в истории строились и держались силою воли [15, с. 540].

Воображение без любви, сколь бы живописно оно не изливалось, есть, в конечном счете «безответственная игра и жеманство», «изобретательный произвол» без художественного совершенства. Духовно слепое, оно породило декадентский модернизм [11, с. 396-397]. На этом пути слагается искусство мнимое, «часто ничтожное и пошлое»: «это пестрые, безвкусные, праздные обрывки»; «это большие выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распушенности», обломки безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры. «И над всем этим царит какая-то чувственная возбужденность, нервная развинченность и духовная пустота, – три свойства, все вместе определяющие атмосферу *современного «модернизма»* в искусстве» [12, с. 65-66]. Искусство модернистов «бредит на языке больших страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное

искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной бессовестности*: здесь все позволено [12, с. 67-68]. «И невольно возникает вопрос: искусство это или большой бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?» Культура Запада, замечает Ильин (он там жил 32 года), как бы построена *из льда и камня*. Люди выступают по отношению друг к другу «запертыми сундуками»; современный человек *«стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы»* [11, с. 395].

Вся современная культура, отмечает он, сорвалась на том, что не сумела сочетать основы духа – свободу, любовь и предметность. «Она захотела быть культурой *свободы* и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности*». «Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям». А беспредметная свобода стала свободой «беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия». Осуществить социальную свободу могут «только люди с *сердцем и с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания, т. е. – предметно построенной и устроенной души*». Наивно воображать, продолжает Ильин, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена. Ибо рассудок без любви и без совести, есть «разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми». Свобода, любовь и предметность обуславливают друг друга. «Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии» [13, с. 179-180]. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении [13, с. 181].

Вывод один. Кризис культуры происходит из *неверного культуротворящего акта*. Этот акт исходил из *первого* этажа психики. Надо перестроить *саму его структуру*, руководствуясь «вторым этажом» и внести обновленный культуротворящий акт не только в искусство, науку, религию, но и в образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство. Надо «растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость» [13, с. 183]. Ибо верный жизненный выбор – дело духовной любви. Кто ничего не любит и ничему не служит, тот бесплоден (15, с. 540). Только любовь может ответить человеку на важнейшие вопросы его жизни: чем стоит жить? Чему стоит служить? С чем бороться? Что отстаивать? «*Все остальные душевные и телесные силы человека суть «верные и способные слуги духовной любви»*» [15, с. 541; курсив наш – С. Г.]. Без сердца, без развитых духовных чувств, которые атрофируются в условиях современной техногенной цивилизации, исчезнут пророки и праведники, вожди и герои. Останутся или гедонисты-аутисты, или логически вышколенный научно-

технический персонал, окончательно зашибленный одной технико-экономической рациональностью.

Предметность и творческая природа сердечного созерцания

Духовную предметность всем этим способностям (восприятию, воображению, мышлению, вере и др.) сообщает сердце – «сила духовной любви». Так слагаются высшие духовные органы человека. Любовь превращает воображение в предметное видение, в сердечное созерцание, из этого вырастает религиозная вера. Любовь наполняет мысль живым содержанием и дает ему силу предметной очевидности. Любовь превращает волю в могучий орган совести. Любовь очищает и освящает инстинкт и отвергает его духовное око, соединяет инстинкт с идеалом. Любовь углубляет и облагораживает чувственные восприятия, она придает им художественный смысл и заставляет их служить искусству [15, с. 541].

Сердечное созерцание образуется приблизительно так. Духовная любовь овладевает воображением, наполняет его своей силой и указывает ему достойный предмет. В человеке образуется орган творчества, познания и жизни, открывающий его [15, с. 541-542]. Человек предметно вчувствуется и сочетает объективизм предметной культуры со всею силою лично субъективного самовложения. От этого его творческий акт получает новое направление и новую силу. Если к этому присоединяется художественное дарование, то он приобретает способность особой мощи: «восприятие может дойти до художественного отождествления с сущностью вещей и человека», «до своеобразного ясновидения» [15, с. 542]. Созерцающее вчувствование может постепенно овладевать всеми способностями человека: инстинктом, волею, мыслью и другими силами духа. Тогда душа станет лепким воском, будет повиноваться каждому предмету. От этого у гениальных художников накапливается сокровище из разнообразнейших образов мира, и может показаться, что этот художник обладает каким-то «всеведением». Это изумляет нас у Пушкина, у Достоевского, у Леонардо да Винчи и у Шекспира: «кажется, что этому художнику открыто все, что все он знает, все видит»; что дух его древен, как мир, ясен, как зеркало, и мудр некой божественной мудростью; что именно поэтому он «всегда творчески юн и нов, оригинален и неисчерпаем» [15, с. 542].

Ильин конкретизирует сердечное созерцание. Оно – вчувствование «в самую сущность вещей»; сосредоточенное вживание, движимое духовной любовью к «любимому духовному предмету», «тотальное вживание в любое жизненное содержание» и культурно-творческое его претворение [15, с. 543]. Дар созерцания предполагает повышенную впечатлительность духа: способность восторгаться «всяким совершенством и страдать от всяческого несовершенства». Это есть некая «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Созерцающий не задерживается на поверхности явлений, но видит эту поверхность с тем большей остротой и точностью, чем глубже он проникает в их сокровенную сущность [16, с. 350]. «Сердечное созерцание, – заключает Ильин, – сообщает

культурному акту предметность, пронизательную глубину, духовную значительность и творческую силу» [15, с. 544].

В познании оно может возвыситься до «интеллектуальной видения» (Платон, Гегель), и тем самым даровать мышлению *конкретное понимание скрытых отношений*, система которых составляет собой *сущность* предмета. Не случайно, именно Гегель, выпускник теологического института, дал впервые в истории философии теорию конкретного предметного мышления, без которого невозможна продуктивная наука. В этике и политике, в целепонимании и действии оно может открыть человеку *предвидение* событий благодаря вчувствованию в мотивы поведения людей. «В сфере права и правопонимания оно пробудит в человеке живую интуицию правосознания и сообщит ему такое предметное правовое видение (свобода, справедливость, братское единение), о котором современная юриспруденция забыла и думать» [15, с. 544]. «Что касается художественного творчества, то его настоящий источник живет именно в сердечном созерцании. Воображающее вчувствование есть именно тот подход к миру, который открывает человеку все двери и все богатства вселенной; нет ничего такого, что могло бы заменить художнику луч созерцающего сердца, – ни в замысле, ни в вынашивании, ни в формировании, ни при завершающей отделке». Сердечное созерцание приведет «к символически-художественному видению» [15, с. 544]. В искусстве, писал И. А. Ильин, мир живет иной жизнью: здесь травинки поют хоралы, лес ведает тайны человеческого сердца, а душа парит орлом; здесь горные вершины спят, цветок влюблен безнадежною страстью, а человеческая душа не менее моря таит в себе обломки сокрушившихся кораблей. В жизни есть такие реальности, которые «открываются и обогащают дух *только через сердечное созерцание*»; это те предметы, которые определяют «*смысл жизни*». В конце концов «сердечное созерцание составляет подлинную сущность всякого творческого отношения человека к человеку: без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи, но лишь бледные и обманчивые тени живого общения» [15, с. 545].

Итак, сердечное созерцание исходит из *любящего и поющего сердца* и поэтому оно – *любящее созерцание*, а значит и *творческое*, и *художественное*. Оно *прозревает объективно лучшие измерения предмета*, вживается в них, живет предметом, созерцает его и говорит *из предмета и о предмете*. Все лично-субъективное выносится за скобки. Любовь увеличивает «радиус своего действия» (Л. Зонди), расширяется диапазон предметного творческого созерцания, растет эвристический потенциал и ученого и художника и политика, каждого, кто вовлечен в подлинную предметность. Когда мы понимаем одним мышлением, то мы строим активностью своего «Я» (апперцепции) форму, структуру предмета. Понять – значит построить. Это – *логическое понимание*. Понимание, исходящее из сердца, иное – *ценностно-образно-эмоционально-побудительное!* Оно богаче содержанием, многограннее, прозревая за вуалью внешней реальности скрытые гармонии и совершенные отношения. В гуманитарных и социальных науках понимание тогда является целостным, когда оно включает в себя не только понимание

объективных обстоятельств, но и субъективно-человеческую значимость обстоятельств, т.е. соединяет *объективно-предметный и субъективно-ценностный аспекты*. Особенно такая полнота понимания важна в образовании. С позиций первого уровня психики невозможно понять духовные состояния и смыслы. Так, психология большевизма, воинствующего рассудка без сердца, натолкнулась на глухое непонимание всей сердечной России.

Дары сердечного созерцания

Поясним отличие сердечного созерцания от *созерцания чувственного и созерцания в воображении*. Чувственное восприятие может быть неосознанным. В таком случае оно еще не созерцание. Чувственное созерцание – это *осознанное* чувственное восприятие; при этом субъект может отстраняться от самого акта созерцания и контролировать его. Чувственное созерцанием работает, как правило, по такой схеме: оно располагает одно рядом с другим в *пространстве* или одно после другого во *времени*; при этом созерцанию дано *внешнее многообразие явлений без их внутреннего единства*, без тех связей, которые, словно нервные нити, соединяют части в целое. Когда субъект созерцает предмет в воображении, то он пытается схватить именно такие связи – *внутреннее единство* во внешнем пестром многообразии фактов; обнажить *форму, строение, структуру предмета*. Это – *мыслящее созерцание* в сфере воображения, обычное в научном познании. Сердечное (духовное) созерцание тоже мыслящее, но с тем отличием, что субъект переносится в предмет в большей мере, вживается в него, становится им и созерцает его в аспекте чистого смысла и сути предмета, убирая все лишнее. Это – *духовное созерцание*: предмет созерцается изнутри самого предмета так, что он, как будто, обладает своим «я», которое пронизывает изнутри все свойства предмета так же, как наше «я» проходит, как нож сквозь масло через все наши чувственные состояния. *Духовное созерцание – это созерцание самого «я» предмета, его самости, из которой и созерцаются субъектом конкретные качества и свойства предмета*. Полнота погружения в предмет осуществляется благодаря любящему сердцу, из которого и исходит сердечное, духовное созерцание. Предмет в акте такого созерцания предстает как одухотворенный, свободный, самодеятельный и целостный. Примерно такой же, как наше «я» пронизывающее все ткани наших конкретных состояний. Из особенностей сердечного созерцания следуют и его *благодатные дары*:

- поскольку предмет созерцается из его «я» (самости), то такое созерцание *предметное, а не произвол фантазии*; причем *существенно предметное* (постигается сущность предмета); будучи предметным, такое созерцание является *конкретным*, причем *духовно-конкретным*, а не чувственно-конкретным, что присуще чувственному созерцанию с его внешней обыденностью, эмпиричностью, которая само лезет в глаза;

- духовно – конкретное содержание есть *единство в многообразии*, а не только многообразие без единства (чувственное созерцание) или единство без многообразия (рассудок); так творится *конкретное* воссоздание предмета в понятиях науки, образах искусства, символах религии и др.;

▪ духовно-конкретное содержание предстает как *целостность* («органичность»), когда мера целого составляет *смысл* частей, а части предстают как органы целого; при этом мера целого и меры частей согласованы, *гармоничны*, что составляет неотъемлемое условие *художественности*;

▪ позволяя схватывать предмет целостно, сердечное созерцание дарует тем самым, во-первых, *эвристичность*, открытие скрытых отношений (ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого), во-вторых, эстетичность, тяготеющую к *художественности*; произведение искусства художественно, если в нем *идея, образный состав и эстетическая материя* согласованы оптимально, т.е. образы представляют только идею произведения, а эстетическая материя – идею и образы;

▪ сердечное созерцание, далее, дарует способность воспринимать предмет как свободный и самостоятельный; ибо такое созерцание исходит из любящего сердца, которое поет свободно и самостоятельно;

Сердечное созерцание, гениальность и талант

В духовном творчестве есть две функции: способность *творческого созерцания* и способность легкого и быстрого проявления, *выражения*. Ими люди одарены не в равной мере. Нередко предполагают, будто талантливый человек всегда исходит из *творческого созерцания*. На самом деле, подчеркивает Ильин, правильно называть «талантом» только *вторую* силу. Талант сам по себе есть дар легко и быстро, ярко и метко выражать все, что проносится через внутренний мир человека [16, с. 341-342]. Наличие таланта определяет не то, *что* человек творит, а лишь то, *как* он это делает. Талант блестит, сверкает, чарует. Между тем «талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст* и беспочвен» [16, с. 342-343]. Талант нуждается не только в умении, в технике. Ему необходим еще «*духовный опыт, творческое созерцание, творческое вынашивание*, чтобы не создавать пустую красоту или соблазнительную яркость» [16, с. 345]. Поэт Бенедиктов, отмечает Ильин, был мастер слова. Но он был лишен творческого созерцания, и сказать ему было почти нечего. Тютчеву присуща сила творческого созерцания. Его поэзия пропета из «таинственной стихии мира и человечества», из ее древнего хаоса. Он не только созерцал, но и умел петь «о муках и восторгах созерцания». Но сила его таланта не всегда попевала за его безмерным видением. У Лермонтова сила созерцания просыпается задолго до того, как созрел его талант [16, с. 346]. Так обстоит дело и в живописи, и в научном познании. Есть люди с глубоким духовным созерцанием, которые не могут ни вообразить (облечь увиденное в земные образы), ни изобразить (передать и закрепить эти земные образы для других). Эти подспудные мудрецы уходят обычно или в молитвенное подвижничество, или в философию [16, с. 348]. Гениальность, таким образом, И. А. Ильин связывает со способностью творческого созерцания, которое и есть источник *предметной конкретности*. «Художественное искусство, – делает вывод Ильин, – возникает только из сочетания двух сил: силы духовно-созерцающей и силы верно во-ображающей и из-ображающей увиденное». Творческое созерцание – *истинный и*

глубочайший источник художественного искусства», ее «алтарь и гений», «здесь таится вдохновение – эта благодатная сила творческого перворождения». В созерцании и вдохновении художник прозревает за пеленой явлений некие гармонии и совершенные отношения, и талант художника становится «лишь живою и верною арфою узренных им содержаний» [16, с. 351].

Сердце – исток русской культуры

Каждый народ имеет доминанту в своем душевно-духовном укладе, что проявляется в выражениях «старая, добрая Англия», «деловая Америка», «великая Германия», «прекрасная Франция или «Святая Русь». Такой уклад («менталитет») составляет *ведущий духовный акт*, каким народ творит свою культуру и жизнь. Такой акт определяется *особым сочетанием доминирующих духовных сил*. Ильин гениально выразил духовный акт русской культуры в статье «О русской идее» и конкретно изложил его в ряде иных работ [10]. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благодатную силу, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея сердца. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [8, с. 323].

В российской ментальности Ильин выделяет силы первичные и вторичные: «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» [8, с. 329]. На громадном историческом и художественном материале Ильин убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта [6]. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [8, с. 329]. Западный менталитет имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным [8, с.327]. Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли: «нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации [8, с. 327-328].

В духовном акте русской культуры эмоционально-ценностное начало преобладает над рационально-волевым формализмом. Это Ильин убедительно раскрывает на материале православия, отечественной науки и искусства. В русской науке сложился метод *живого творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А

кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями. *Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета.* Из этого метода следует масштабность русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа. *Целостность схватывается только созерцанием!* Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием предмета, дают «скелет» предмета. Сколько ни говори «система, система», от этого без творческого предметного созерцания образ целого в его конкретности не появится. Чем больше в нашей стране издавалось работ о «системном методе» в 70-80 годы XX века, тем более формальной становилась и философия, и ее прикладные исследования. Без творческого созерцания омертвевает всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика.

Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубина в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи, и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) вобрали своим духовным актом от православия *чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания.* К примеру, Н. О. Лосский исходил из интуиции в познании и обосновал все значение «чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции». Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении. Русское искусство, подчеркивал Ильин, призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе. ... У русского художества *свой национальный творческий акт:* нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, ... без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом» [8, с. 329]. Русская культура цвела

тогда, когда она творилась стремлением любящего сердца к совершенству, сердечным созерцанием скрытых гармоний.

Остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создаст не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [13, с. 179]; то «шкурничество», то «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей. [13, с.183]. Практический эгоцентрист и циник, не ведающий высшего смысла и дела, будет существом «социально опасным». Новые поколения должны воспитываться «к *сердечной и предметной свободе*». Эта директива – на сегодня, на завтра и на века [13, с. 179, 181]. Самое важное, что должно дать человеку воспитание – «это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*» [13, с. 184]. Под «Предметом» Ильин понимал Дело, объективно лучшее по содержанию, достойное духовной сущности человека. Он пишет: «Жить предметно – значит связывать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле» – «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия [13, с. 182]. Понятно, что знания и технологии есть средства предметной любви, предметной воли и предметного дела. Воспитание, таким образом, *тоже творится*, в первую очередь, *силами второго уровня* психики человека.

Россия, прогнозировал Ильин, выйдет из кризиса и возродится к новому творчеству и расцвету через сочетание и примирение трех основ духа: «*свободы, любви и предметности*». Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воли для осуществления и организации. Учение Ильина о духовном акте, о сердечном, творческом созерцании составляет «золотой» фонд акмеологии и педагогики и заслуживает обсуждения и развития.

Дух – идеальный ген социальности

Отметим значение духовности на уровне общества. В понимании человека следует избавиться от того недоверия к духу, которое привнес материализм в российское сознание. Дух в социальной системе есть *идеальное, всеобщее и самое концентрированное* выражение и продолжение человеческой социальности: он есть ее саморефлексия и самоопределение, ее самопроектирование и самоустремленность, ее самоусиление и «для-себя-бытие». Под идеальным здесь понимается то содержание, которое прекрасно развил Э. В. Ильенков [3]. В лоне духа рождается все благое содержание. Дух

есть идеальный «ген» нации, в котором в свернутой форме закодирована социальность и программа поведения народа. Эту генную функцию духа раскрыл И. А. Солоневич относительно русского и немецкого народов, которые в XX веке ставили себе те же цели и пытались их достичь с тем же упорством, с каким они это делали 800 лет назад, несмотря на качественное изменение производительных сил и производственных отношений [21, с.115-201].

Духовное единение людей предполагает наличие общих ценностей. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости товаров (деньги), так и в общении и общественных отношениях необходимы единые выразители человеческой субъективности (ценности) с которыми люди себя идентифицируют как члены той или иной общности. Такие корневые ценности *согласуют души людей в самом главном*. Без согласия в душах не будет согласия во внешних делах. *На основе корневых ценностей происходит первичный социальный акт – взаимное признание, понимание и доверие; из этого акта следуют духовное единение и солидарность, верность и служение*. В. И. Ленин, встав у руля государства, вынужден был признать: государство сильно «сознательностью масс», и правопорядок ожидается на добровольной лояльности граждан. Добровольно принятые общие ценности есть основа *гражданского мира, социального согласия, устойчивости государства и хозяйства*. Корневые ценности направляют через социальные институты весь *нормативный социальный контроль*, очерчивая границы *дозволенного*. Такие ценности, образно выражаясь, так же направляют чувства, волю и мышление, как звезды на небе направляют путь мореплавателя. Без единых ценностей *меркнет правосознание, крошится государство, высыхают глубинные родники совместного творчества и национального единения*. Всерьез и надолго люди объединяются не внешними скрепами (экономикой, правопорядком, территорией), но духовными узами. «Самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей» [5, с. 323]. А. С. Пушкин сплотил духовно русский народ неизмеримо надежнее, чем рынок и товарно-денежная связь. Материализм же предлагает объединять людей на основе технологий, экономики и права.

Отмеченные И. А. Ильиным существенные моменты составляют *духовный генотип* нации. Этот генотип включает в свое содержание корневые (основные) ценности, особенности их субъективного приятия народом (как веруют и любят, как переживают и грешат и т.д.) и то существенное из исторического опыта, которое народ пережил, понял и запечатлел в психологии и самосознании. Духовный генотип центрирует национальное самосознание и в оформленном виде выступает как религиозно-культурный архетип.

Разложение духовного генотипа так же обезображивает жизнь народа, как деструкция генной информации уродует живую клетку и организм. Вот почему столь актуален вопрос о *синтезе традиций и инноваций*. Духовный генотип существует не вне нас, где-то в библиотеках и музеях; он – в наших

душах, как в огнилицах, пламенеющих ценностями. Он – общее пламя, согревающее нас нравственно и эстетически, национально и религиозно.

Если социальные «инновации» внедряются без учета духовного генотипа, то они отторгаются как нечто инородное из-за сшибки противоположных программ поведения – идущих от генотипа и от «инноваций». Возникает *деструкция в той или иной сфере общества*. Когда же сам генотип, как целое, преобразуется не путем его органического развития, а насильной заменой чуждой ментальностью, тогда возникает *всеобщая деструкция в масштабе всего общества* – начинается религиозное, культурное, политическое и социальное противостояние, грозящее гражданской войной. Бьет час народной трагедии. Реформы в России осуществляются успешно и без потрясений при условии восстановления традиционных корневых ценностей, которые не альтернативны новаторству и модернизации. Важнейшей задачей философии, культурологии и других гуманитарно-социальных наук является как раз *развитие и утверждение в общественном сознании таких ценностей, которые гармонично соединяют традиции отечественной культуры и процессы обновления России*. Такой синтез есть творческий процесс, требующий живого предметного мышления, способного *соединять противоположности на основе их общего основания*.

Дух – основа душевного здоровья

Раскроем валеологическое значение духовного уровня психики. Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Такое благополучие основывается на *гармонии меры целого с мерами частей*. Болезнь вызывается нарушением гармонии, доминированием части над целым. Болезнь – то «эгоизм» части за счет целого. Так раковая клетка убивает организм, навязчивые психические состояния разрушают целостность души, а верховенство прав человека над правами народа обессиливает народ и государство.

Душа как целое представлена сознанию в форме «я». «Я» (апперцепция) есть сверхчувственная сфера психики, самоустраемленное чистое единство; в смене душевных состояний (радости, печали) оно сохраняет свою себестождественность; иначе человек не вышел бы из того или иного душевного состояния. Такие состояния длятся во времени. «Я» воспринимает время со стороны, оно пребывает вне времени как чистый смысловой центр души. Благодаря себестождественности, сверхчувственному и вневременному бытию, «я» способно связывать в единство прошлое, настоящее и будущее, мыслить вечность, синтезировать качественно различные ощущения и переживания в единство, понимать устойчивое в изменчивом (законы). Способы, каким «я» синтезирует восприятия в понятия, есть логические категории. На их основе возникают суждения. Способность судить есть рассудок. «Я» через категории сообщает душе логическое единство. Душевное нездоровье несоматического характера имеет психические и аксиологические основания. В психологическом плане таким основанием является нарушение чистого единства «я», эрозия апперцепции. В душе возникают многие центры-доминанты. Они выходят из-под контроля «я»; возникает их самофокусировка в нечто самодостаточное.

Размывание апперцепции ведет к временной потере рассудка – способности судить логически на основе категорий. Единство «я» может нарушаться сильными эмоциональными потрясениями (аффектами). Но глубинным основанием душевного нездоровья является причина ценностного характера – утрата личностью самого дорогого, родного и священного. *Качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости «я» и душевного здоровья.*

Непосредственной опорой «я» выступают родные и дорогие люди, их фотографии, образы великих людей, малая и большая Родина, родная культура, историческая память, национальные символы (герб, флаг, гимн) и др.; т.е. то, что воспринимается личностью как дорогое и сокровенное и с чем она себя идентифицирует. А где сокровище наше, там и наше «сердце». Когда утрачивается родное и сокровенное, с чем личность себя отождествляла, тогда возникает опасность эрозии ценностного самосознания и угроза душевного нездоровья. При таком нездоровье психика по-прежнему может нормально обслуживать соматические процессы: но исчезли главные ценности, а значит смысл и цели жизни; поэтому потухла вера, иссякла воля, угасли интересы и внимание к чему-либо. В вопросе самоидентификации *проявляется вся важность различий между душевной и духовной стадиями психики.* На душевной стадии личность идентифицирует себя с ценностями и предметами внешнего опыта. Но то, что вне души, то преходит, его «ест тля и ржа». Материальное богатство, бытовой комфорт и карьеру можно потерять, проходит молодость и т.д. Отсюда мудрое библейское наставление: не сотвори себе кумира из творений без Творца, не возводи относительное в абсолютное.

Следовательно, вопрос о душевном здоровье существенно связан с тем, с чем личность идентифицирует свою «самость» и первосуть. Если она отождествляет свою самость не с внешним, а с внутренним, не с материальным, а с духовным, не с относительным, а с совершенным и абсолютным; если она, пройдя через горнило сомнений, укрепилась в актах духовного делания всем сердцем и помышлением в идеале объективно лучшим и объективно сущем, то она обрела все основания для душевного здоровья. Здесь мы подошли к аксиологии религиозной философии. Если душа человека есть образ и подобие Божие, то она причастна Его совершенству и обретает свою идентичность в *духовном абсолюте, совершенном по качеству.* В этом заключается *психотерапевтическая функция религии.*

Душа есть посредник между телом и духом, она – «тонкое тело» духа и так же нуждается в окультуривании (улучшении), как внешнее тело человека и земельный участок в саду. Чтобы окультуривать душу, надо *выйти из поля ее тяготения, не растворяться в ее состояниях и укоренить ее в наддушевное, духовное содержание – в родное и сокровенное, в совершенное и абсолютное.* Такое содержание есть идеал должного совершенства, достойный духовной сущности человека и гармонизирующий подсознание и сознание. Подсознание есть сфера инстинктивных влечений, «ночных сил» души. Сознание же – надприродное образование в виде социально важных общих значений. Социальные нормы обращены к сознанию и часто репрессивны к подсознанию.

В душе возникают противоречия между психически природным и социальным. Гармонизация возможна благодаря посреднику, который находится одновременно в подсознании и сознании. Таким посредником выступают воображение и любовь. Устремленные на совершенный идеал, они возвышают (сублимируют) природно-психическое до социального, натуру до культуры, инстинкт до идеала, расширяя сферу целесообразного действия инстинкта. Без идеала нет сублимации, а есть «профанация» – понижение ранга ценностей и разнуздание инстинкта. Идеал своим *совершенным* содержанием одухотворяет инстинкт и вовлекает могучие резервы подсознания в *культурное творчество*. Инстинкт же сообщает идеалу жизненную конкретность и действенность. В человеке сама природа соединила через позвоночник гениталии и мыслящую голову. Человек же сам призван соединить инстинкт с идеалом. Воспитание призвано вознести юную душу до вершины идеала и тем самым гармонизировать подсознание. В современных условиях банализации всей жизни, включая эротику, гармонизация психики молодых людей является весьма актуальной задачей.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, рождает благоговение и живое чувство ответственности» перед совершенным, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание и его патриотическое чувство, и его государственное строительство» [5, с. 58-59]. Созревшая до волевого акта, любовь к совершенному, сообщает духу энергию творчества, и дух предстает как практическая сила: «как вдохновенный труд и напряженная борьба», «как самостояние и самообладание», «как самостроительство и самоуправление», как «характер». «Человеческий дух по самому существу есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. В этом состоит сама природа духовности, в этом – призвание и достоинство человека» [5, с. 59]. И вот это автономный центр психики, в котором пульсирует дух совершенства, есть абсолютная основа душевного здоровья, которую не размоют ни внешние житейские бури, ни психические аффекты, ни современные сирены вседозволенности. Такой душе не грозит «многоцентрие», ибо она своей духовной вершиной незримо соединена с абсолютным центром всего сущего и всякой жизни – с совершенством Божиим.

Истоки совершенства в душе человека

Совершенство нам, людям, доступно как такое содержание, которое *гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное*. В понимании истоков такого содержания можно отметить, как минимум, онтологический, психологический, гносеологический и аксиологический аспекты.

В *онтологическом* плане основой совершенства являются те *мерные отношения*, которые даны субъекту в его внешнем и внутреннем опыте. Причем, в самой реальности, в самой жизни людей такие меры освобождены от чуждых включений и явлены субъекту в прозрачном для усвоения виде, будь то цветок или шароподобная планета, парящая в космосе. В искусстве такое

освобождение от инородных включений делается самими художниками, и возникает *эффект художественности*, когда идея произведения представлена зрителю, слушателю так, что *идея, образы и эстетическая материя оптимально согласованы*: материя произведения представляет только эстетические образы и идею, а образы – только идею. В религиозной философии онтология совершенства толкуется глубже: мерные отношения потому являются субъекту в превосходном виде, что они есть произведения совершенного Творца и являют собой отблеск Его совершенства. Душа человека стремится к постижению совершенства потому, что она есть «образ и подобие» совершенства Божия, субстанциально и генетически причастна Его совершенству: мышление стремится постичь объективную истину, нравственная воля устремлена на творения добра, созерцание – на постижение красоты, вера устремлена непосредственно на усвоение совершенства Божия, а совесть оценивает помыслы и деяния с позиций должного совершенства.

В *психологическом* отношении обретение совершенных, объективно лучших содержаний возможно лишь *целостным* духовным актом, причем не первым, а вторым уровнем психики (сердце – духовное созерцание – разум).

Весьма интересен *гносеологический* аспект вопроса. Предмет, отмечал Аристотель, есть единство материи и формы. *Материя* предмета дана *чувственности*, *форма же* (структура) доступна только *мышлению*. В голову человека предмет проникает со стороны формы, а не материи. В мышлении субъект деятельно воссоздает форму предмета, но *без материи* предмета. Форма воссоздается активностью «Я» (апперцепции). Она пересаживается на нейтральный для себя материала – в активность субъекта и существует теперь как схема конструирования идеального предмета. В понятиях предмет воссоздается со стороны его *формы, но без материи. Форма (структура) предмета, воссозданная активностью «я» существует идеально, без материи; она теперь* свободна от телесных деформаций и поэтому предстает в созерцании субъекта как нечто *превосходное и совершенное в своем роде*, как *эталон*, образец («эйдос») всех предметов того или иного рода. Понятие выступает таким образом как *микроидеал* того или иного класса предметов, как *всеобщий идеальный* предмет, символически представляющий собой бесконечное многообразие предметов определенного рода. Все индивидуальные особенности чувственно-воспринимаемого предмета погасли в понятии. В понятиях электрона, человека, государства и т.д. представлен *род*, а не индивид. Сознание наполняется идеальными предметами и превращается в *царство эталонов-образцов*. Этот *эстетический* аспект понятийного мышления, парящего в эфире идеальных форм, художественно переживал Платон и выразил его с необычайной силой. Он развил целую теорию об идеальных предметах («эйдосах»). То же было присуще и Гегелю. На основе чистых форм, представленных в понятиях, осуществляется суждение, т.е. *суд, измерение эмпирического предмета его родовой совершенной формой*; тем самым происходит и оценка предмета на его соответствие его *понятию*, т.е. тому *образцу-эталону*, который служит мерой оценки и представлен в понятии. Поскольку понятия, как принято полагать, выражает реальность объективно, то

возникает предположение о том, что и реальность сама по себе, в своем глубинном измерении прекрасна и гармонична. Эстетический аспект мышления связан, в частности, со способностью мысли схватывать формы без материи, в чистом виде. По этой причине возникло логико-эстетическое учение Платона об идеях, как и философия Гегеля о конкретности абсолютной Идеи.

Мощь воображения заключается в его способности *соединять противоположности* (чувственное и рациональное) и схватывать в единичном всеобщее, в различном – тождественное, в многообразии – единство, в случайном – необходимое. Без такого схватывания мышление невозможно. Восприятие само по себе обрекает субъекта на простые операции – *располагать одно рядом с другим* (в пространстве) или *одно после другого* (во времени). Атрофию продуктивного воображения Кант квалифицировал как «глупость», т.е. неумение применять общее правило согласно изменившимся обстоятельствам, тем более *моделировать сами общие правила*. Такая атрофия выражается в *репродуктивном* способе деятельности: субъект привыкает жить согласно навязанным извне правилам и нормам и тиражирует общие штампы.

В понятиях вещи предстают как совершенство формы, как «микроидеалы», свободные от телесных деформаций. Реальные же вещи и обстоятельства всегда отягощены материей с известными *изъянами*. *Возникает несоответствие между понятием-эталоном и чувственно-предметной вещью*. В понятиях человек решает проблему в *чистом* виде. Действительность же содержит в себе *синтез материи и формы*, и всегда возникает расхождение между рациональным построением и опытом. Необходимо поэтому вводить «*поправочный коэффициент*» (как это делают физики в своих уравнениях), учитывающий материально-эмпирическое содержание; т.е. *варьировать общее решение* вопроса применительно к *частным и единичным* меняющимся обстоятельствам. Такую импровизацию как раз и осуществляет воображение, умеющее соединять всеобщее с особенным и единичным. В противном случае применение понятий к различным ситуациям без учета их (ситуаций) отклонений от «нормы» будет деструктивным, вопреки объективной логике того целого, в составе которого действует субъект. Такие случаи породили выражения «ученый дурак», «профессиональный кретинизм», «догматизм» и т.п. Более того, несоответствие между идеальным и реальным может трамвировать тонкие натуры и даже побуждать их к *мироотвержению*. Кто-то ждет «принца» или «принцессу», оставаясь всю жизнь в одиночестве среди живых конкретных людей, не соответствующих «эталоно». «Лучшее – враг хорошему», – эта поговорка точно фиксирует расхождение между стремлением утвердить чистую теорию, нравственность, красоту наперекор упрямой материальной действительности. Но чтобы вводить должный «поправочный коэффициент», надо уметь представлять то действительное целое, которое воссоздается в мышлении: оно должно витать в воображении в такой конкретной полноте, которая исключает произвол и ограничивает «коэффициент» мерой самого предмета или общего дела. Как изучение *философии* есть лучший способ развития *понятийного мышления*, так и усвоения *искусства* (особенно литературы и поэзии, в которых материал дан не

во внешнем восприятии, а в воображении) есть *самый эффективный способ развития продуктивного воображения*. Это весьма убедительно изложил Э. В. Ильенков [4]. Заслуживают рекомендации к чтению также прекрасные работы Ю. М. Бородая о воображении. [1].

Царство эталонов-образцов в наших душах проявляется в том, что мы пытаемся прозреть за *вуалью внешней реальностью некий свет совершенства*, примерно так же, как мы улавливаем солнечный свет за облаками. Интуитивное чувство такого царства созвучно евангельскому откровению «Царство Божие в душе вашей есть».

Аксиологический аспект совершенства заключается, как мы пытались это обосновать, в *синтезе любящего сердца*, которое эмоционально, а не дискурсивно перерабатывает материал опыта в такие значения, которые *наиболее важны* для нас. И вот самое лучшее и потому самое важное для нас содержание мы схватываем с *полной интенсивностью*, и оно предстает для нас как *очевидность*, данная в сердечном созерцании на *втором уровне нашей психики*. Материализм не удовлетворителен в том отношении, что он абсолютизирует *чувственную достоверность* внешнего опыта и не понимает ведущей роли *очевидности духовного опыта* – направляющей функции *эталонно-образцов*, без переживания и понимания которых личность отчуждается от науки и искусства, нравственности и правосознания, философии и религии. Он обрекает личность на духовное обрезание – на душевную стадию психического развития. На этой стадии субъекту недоступны всеобщие измерения вещей, людей, социальных процессов.

Воспитание духовности

Воспитание духовности есть по существу развитие *ценностного сознания*. Иерархию ценностей можно представить в виде треугольника, в основании которого находятся ценности *единичные и относительные*, а на вершине – ценности *всеобщие и абсолютные*. Чем ближе к вершине, тем меньше произвола в выборе ценностей и тем выше степень их совершенства и всеобщности. Воспитание ценностного сознания предполагает решение двух основных задач. Первая из них – дать личности «лестницу» для восхождения на «вершину», вознести сознание от *ценностей единичных ко всеобщим*, погрузить его в совершенное содержание и *вызвать эмоциональное переживание совершенства путем использования эмоционально-побудительной наглядности, будь то метафоры, сравнения, емкие художественные образы и символы, деяния великих людей*. Путь к «вершине» *индуктивный и описательный*; на нем понимание закрепляется духовными чувствами. Надо перекалить *внешнепредметную чувственность до утонченных, предельно легких фракций и растворить их в однородном чувстве совершенства*, вознести юную душу в «солнечные пространства» прекрасных значений, в мир образцов-эталонов. Вторая задача – помочь личности спуститься с «вершины» к «основанию»; но так, чтобы сознание удерживало «*вершину*» *при усвоении частных ценностей*. Этот обратный путь *от всеобщего к особенному и единичному* является *теоретическим и дедуктивным*. В его рамках раскрываются ценностные основы культуры народа, бытия человека, семьи,

коллектива, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, профессии, индивидуальный опыт обретения ценностей. В решении этих двух задач сознание личности восходит от чувственно многообразного к мысленному единству и к единству многообразного; или иначе: от единичного (Е) ко всеобщему (В) и к единству всеобщего и единичного в особенном (О), что можно выразить формулой Е – В – О. В сознании возникает «вертикаль» ценностей, позволяющая личности утверждать себя не в пустяках и курьезах, а в делах общеинтересных и значительных. Определяющим, конечно, является то, что находится на «вершине» такой вертикали. Поскольку ценности избираются духовными чувствами, а отечественная культура имеет эмоционально-ценностную природу, то именно на основе *отечественной культуры* только и можно воспитать у учащихся те ценности, которые они примут *искренне* как нечто *родное*, как духовный факел в смене поколений.

Здесь мы подошли к очень важному пункту самой *практики* воспитания. Речь идет о *деятельном воспроизводстве самой духовной общности*. Человеческое содержание капитала после Маркса заново открыли специалисты по *культурной антропологии и этнологии*, исследуя образования социума в чистом виде на примере архаичных обществ, не знающих рыночных отношений [7]. Они ввели понятие *коллективного символического капитала* и доказали, что *собственно человеческие* связи образуют человеческий социум. Такой социум образуется на основе *духовной собственности людей*, – «тех ценностей, которые их объединяют без принуждения и которым они готовы сообща защищать»; коллективной памяти, деяний героев как образцов, а также габитуса как «способа согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, одной стороны, и коллективными целями и проектами – с другой» [17, с. 120-121]. А. С. Панарин весьма точно определил символический капитал как «социально мобилизованную духовность, выступающую как инструмент людского социального сплочения» [17, с.119]. Вот почему древние народы большую часть времени уделяли *воспроизводству своей духовной общности путем ритуальных праздников, поклонения родоплеменным богам-покровителям*. Люди деятельно воспроизводят не только материальные средства жизни, но и свое общение и свои общественные отношения, а значит и идеальные продукты общения – многообразные значения, составляющие содержание их сознания. Но самым важным является воспроизводство людьми своей *духовной общности*. Студенческие формы общения – концерты, КВН, Дни первокурсника и многое другое – важны именно как воспроизводство духовной общности, своих *символов единения*, полноты своей жизни во всем богатстве человеческой субъективности – чувств, мыслей, солидарности, социокультурной идентичности. Это – древняя форма духовного воспроизводства социальной общности, социализации личности. В таком воспроизводстве развиваются понимающие чувства (сердце) и душа преобразуется в дух. В отличие от светских культурных форм общения (концерты, театр и др.) в *литургии* творится самое духовно-глубинное, без чего меркнет вся культура, все благое содержание жизни – *это воспроизводство из поколения в поколение любви и*

воли к совершенству, самого духа совершенства в его сакральном и священном естестве.

Итак, дух есть рефлексированное, осознающее себя совершенство. Совершенная реальность креативно антропологична. Творчество производно от совершенства. Вдохновение движет творчеством. Но *вдохновение* есть *благоденствие и восторг от совершенства*. Творчество есть духовное парение человека в эфире объективно лучших, совершенных содержаний. Совершенное содержание есть основа духа и религии, культуры и воспитания; источник всех положительных качеств и ценностей человека; оно сообщает единство ценностному сознанию, является основой аксиологического синтеза (наряду с логическим синтезом), предохраняет личность от отрицательной социальности (антикультуры), служит иммунитетом души, основой душевного здоровья и духовной безопасности. Совершенство приемлемо как для образованного светского сознания, так и для сознания, религиозно ориентированного; оно достаточно определено, чтобы сообщить сознанию положительный ценностный вектор, и достаточно неопределенно, чтобы предохранить сознание от догматизма и формализма и дать личности простор для свободного творческого поиска в мире ценностей. Восстановление в философии и в теоретической педагогике методологической роли категории совершенства и проектирование на основе этой категории ценностного содержания образования, включая воспитание, является, на наш взгляд, перспективной стратегией. Последний практический вывод из всего изложенного – предлагать студенческой молодежи в системе образования *только лучшее* – лучшую литературу, лучшее общение и лучшие аудитории. Тогда молодые люди вкусят лучшее, усвоят его и *поймут преимущества объективно лучшего*. Так осуществится кадровый отбор лучших людей. *Россией должны править духовно лучшие*. Только при таком условии осуществится тот прорыв, который так необходим в современной России.

Литература

- 1 Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. М., 1976; Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу. М., 1996.
2. См.: Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994.
3. Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991.
4. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: Избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
6. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. Соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.
7. Ильин И. А. О русской идее // Соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 1.
- 8 Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992. Т. 1.
9. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2003.
10. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996-1997. Т.6, кн. 2-3.
11. Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8

12. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1.
13. И. А. Ильин. О воспитании в грядущей России // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2.
14. Ильин И. А. Борьба за Россию // Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 9-10.
15. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
16. Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 2.
17. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
18. Сковорода Г. С. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
19. Слово святейшего Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в январе 1999 года // Православная газета. Официальное издание Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви. 1999. № 3.
20. См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
21. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.
22. Экономика и культура: Докл. Всерос. конф. / Под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург, 2000.
23. Юркевич П. Д. Филос. произв. М., 1990.

Е. В. ПЛОТНИКОВА

СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И СВОБОДНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассматриваются способы освоения ценностных систем на основе анализа философских (М. Аркадьев, Р. Барт, М. М. Бахтин, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Джеймиссон, И. П. Ильин, О. Розеншток-Хюсси, В. М. Розин, Р. Рорти, В. П. Руднев, М. Фуко и др.), историко-культурных (К. Левин-Брюль, А. Ф. Лосев, В. Тэрнер, М. Элиаде и др.), экзистенциально-психологических (Ф. Е. Василюк, Дж. Бьюдженталь, И. Ялом, Д. А. Леонтьев и др.) исследований *взаимодействия социокультурного контекста и воли индивида*.

Ценности отдельных людей и групп, если они упорядочены и согласованы с ценностями общества, – освобождают индивида и общество от проблем, от необходимости выборов, принятия решений. Доминирующие в иерархии ценности, то есть осознанные, обобщенные и устойчивые смыслы, актуализированные в конкретной ситуации, направляют волю и деятельность индивидов и групп без всякого внешнего принуждения и без внутренних сомнений, предсказуемым образом.

Отсутствие, внутренняя неупорядоченность, а также рассогласование ценностей индивидов с ценностями социума представляют собой источники проблем как для индивида, так и для общества, порождают ситуации, требующие выбора, принятия решения, т.е. ситуации с неопределенным исходом.

Следовательно, *ценности*, если рассматривать их функционально, являются *факторами депроблематизации, стабилизации, предсказуемости индивидуальной и социальной жизни*. Поэтому представляется закономерным,